

Засодимский Павел Владимирович

Неведомый страдалец

Восточная сказка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Неведомый страдалец: Восточная сказка / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-85823-6

ISBN 978-5-519-85823-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Невѣдомый страдалецъ.

(Изъ записокъ фра Джеронимо).

...Господи, благослови! или — вѣрниѣ — помоги мнѣ, Господи, записать тягостныя впечатлѣнія прошлой ночи. Что это была за ночь! Темная, бурная, но сердца человѣчскія бываютъ чернѣе и ужаснѣе всякой темной ночи. Да!.. А я такъ-таки и не узналъ, не знаю и, вѣроятно, не узнаю никогда: кто онъ такой. Впрочемъ, лучше запишу по порядку все, какъ было...

Еще съ вечера вѣтеръ сталъ разгуливаться, къ ночи онъ превратился въ бурю. Я рано затворилъ ставни, зажегъ маленькую ночную лампу, пододвинулъ къ камину свое любимое мягкое кресло и съ полнѣйшимъ удобствомъ расположился въ немъ передъ камелькомъ. У меня подъ рукой, какъ водится, стоялъ на столикѣ стаканъ нагрѣтой воды съ виномъ и сахаромъ. Тутъ же лежала моя старая Библiя. Маленькими глотками прихлебывалъ я свой домашній напитокъ и съ великимъ на-

слаждениемъ грѣлъ у огня свои озябшія старческія ноги. Зима нынѣ, кажется, будетъ холодная... «Сохрани Боже! Плохо придется бѣднымъ, неимущимъ людямъ безъ порядочной одежды, безъ пристанища. Особенно—эти ночи съ холоднымъ, суровымъ вѣтромъ...» Такъ я раздумывалъ, прислушиваясь къ шуму вѣтра и дождя. Мнѣ было удобно въ моемъ мягкомъ креслѣ, старыя ноги мои согрѣвались, мнѣ было тепло, уютно; я былъ увѣренъ, что меня никто не выгонитъ на вѣтеръ и дождь изъ моего уютнаго уголка и—благодареніе небу! — нимало не заботился о хлѣбѣ насущномъ, о завтрашнемъ днѣ. Но, несмотря на все это, несмотря на то, что я, недостойный, чувствовалъ себя на пиру жизни въ числѣ избранныхъ, какое-то странное, тягостное волненіе порой охватывало меня въ тотъ вечеръ. Конечно, сверхъестественнаго тутъ ровно ничего не было. Свое возбужденное состояніе я прямо приписывалъ погодѣ. И прежде не разъ случалось, что вѣтеръ раздражалъ меня, и я становился безпокоенъ, но, кажется, никогда еще тревожное состояніе такъ сильно не угнетало меня, какъ вчера вечеромъ... Старъ становлюсь я,—вотъ это что!

Дождь то какъ будто стихалъ, то принимался хлестать съ удвоенною силою. Вѣтеръ съ шумомъ проносился по улицѣ и съ такой

яростью постукивалъ неплотно припертыми ставнями моихъ оконъ, какъ точно хотѣлъ сорвать ихъ съ петель. Я прислушивался къ его дикимъ завываньямъ, и въ воображеніи моемъ съ удивительною ясностью рисовались сцены, словно живьемъ выхваченныя, съ мясомъ и съ кровью, изъ безсмертныхъ картинъ Дантова Ада. Мнѣ чудилось, что сотни, тысячи несчастныхъ съ жалобнымъ стономъ летѣли, проносились мимо моихъ оконъ и уносились въ безбрежное море ужасовъ, отчаянія и мрака. Я видѣлъ... да! я видѣлъ прямо передъ собой ихъ страшно блѣдныя, искаженные лица, видѣлъ ихъ судорожно изгибавшіяся тѣла, бѣлыя и казавшіяся прозрачными отъ худобы, видѣлъ ихъ глубоко впалые, въ мукахъ потухшіе глаза... Пустыя мечтанія, плоды поэтического неистовства, конечно... я очень хорошо понимаю это... но этотъ «ужасный» вздоръ все-таки не могъ способствовать къ моему успокоенію. Глухая, томящая грусть болѣзненно щемила мнѣ сердце. Напрасно я говорилъ себѣ: «Эти мрачныя, непріятныя ощущенія вѣтеръ нагоняетъ на меня!» Пускай то—вѣтеръ или дождь, или хоть самъ чортъ... Вѣдь мнѣ отъ того не легче...

Я старался отводить свои мысли въ другую сторону, старался, такъ сказать, взять себя въ руки и не поддаваться тому, что я

называлъ малодушіемъ, пустою сентиментальностью, вздоромъ. И я почти вслухъ говорилъ себѣ: «Каково-то путешествующимъ и странствующимъ проводить такую ночь въ морѣ—между жизнью и смертью! Каково-то тѣмъ, которыхъ буря застигла въ пустынныхъ мѣстахъ, въ ущельяхъ горъ, въ лѣсахъ!»... И я старался сравнивать ихъ положеніе со своимъ, и, разумѣется, всѣ выгоды оказывались на моей сторонѣ. Я сидѣлъ подъ кровлей, грѣясь у камелька и потягивая сахарную воду съ виномъ... Я ужъ старъ; я уже не принимаю марева за дѣйствительность и потому не гонюсь за нимъ. Блестящіе призраки, населявшіе для меня міръ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, уже давно исчезли безслѣдно, какъ фейерверочные огни, безслѣдно потухающіе въ темномъ ночномъ небѣ. За чѣмъ гонятся, что ищутъ всѣ эти путешествующіе и странствующіе, застигнутые въ дорогѣ сегодняшнею бурей? Одинъ гонится за богатствомъ, другой—за почестями, за славой, иной, просто, изъ-за тщеславія стремится вдаль, иной гонится за любовью къ женщинѣ, къ семьѣ, иной ищетъ куска насущнаго хлѣба, иной тянется къ родному очагу... А я ни къ чему не бѣгу, и мой родной очагъ давно погасъ. И я старался насильно вызвать въ памяти знакомыя картины, залитыя золотомъ солнечныхъ лучей рав-

нины и горы Кампаньи, тихо дремлющія подъ синимъ классическимъ небомъ, словно въ ожиданіи своего мессіи, который долженъ прійти, который придетъ, и пробудить и оживить народъ... Тамъ, въ Кампаньи, на скло-нѣ горы стоитъ деревушка Монте-Течино, а въ той деревушкѣ есть маленькая хижина. Неподалеку отъ дороги пріютилась она подъ деревьями и скрылась вся отъ палящихъ лучей солнца въ зеленой тѣни... Мой родной домъ, кто живетъ теперь въ стѣнахъ твоихъ?.. Отецъ, мать, старый дѣдушка съ его разсказами объ австрійцахъ, о «первомъ консулѣ французской республики», о королѣ Мюратѣ, братья, сестры—всѣ исчезли, всѣхъ пережилъ я... Припоминалось мнѣ, какъ мы всѣ горевали въ тотъ день, когда моя младшая сестра, Марія, всеобщая любимица и первая красавица во всемъ Бузентонелльскомъ округѣ, была похищена разбойниками. Она осталась съ ними и во время одной перестрѣлки была убита королевскими карабинерами. Почему она осталась у своихъ похитителей? Богъ вѣсть!.. Не потому ли, что эти разбойники были изъ тѣхъ, которые раньше насъ, святошъ, будутъ въ раю, какъ сказалъ Христосъ!..

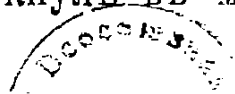
Живучи воспоминанія дѣтства! Сидя, сгорбившись, передъ каминомъ, я произносилъ, вполголоса давно уже для меня отзвучавшія,

знакомыя, милыя имена: «Монте-Течино»... «Бузентонелли...» «Капричіольскій лѣсъ...» И сердце мое сильно забилося. Мнѣ припомнилось, какъ я въ дѣтствѣ съ сестрой игралъ камешками и раковинками посреди зелени и цвѣтовъ. Давно было это... Сначала я насильно принуждалъ себя погружаться въ воспоминанія, чтобы какъ-нибудь развлечься, потомъ уже невольно сталъ поддаваться ихъ чарующей прелести, но угнетенное состояніе духа продолжало попрежнему нагонять темную тѣнь на мой внутренній міръ. Непреодолимое чувство безпокойства мѣшало мнѣ забыть. Вѣтеръ попрежнему шумѣлъ за окномъ, ревѣлъ и гудѣлъ, потрясая ставнями, и глухо завывалъ въ трубѣ. Порою громъ грохоталъ и, казалось, грохоталъ такъ низко, какъ будто надъ самой кровлей. Раза два мнѣ слышался стукъ въ дверь, я вставалъ, открывалъ ее, никого не находилъ за нею и снова садился въ кресло. Этотъ вѣтеръ совершенно разстроилъ меня...

Я посмотрѣлъ на свои старые стѣнные часы: стрѣлка показывала XI. Спать еще не хотѣлось. Я раскрылъ Библію и сталъ читать (какъ я нерѣдко дѣлалъ на сонъ грядущій). Я читалъ книгу пророка Даніила и невольно задумался надъ IV главой, въ которой повѣствуется объ униженіи Навуходоносора, могущественнаго царя вавилонскаго... «Рас-

хаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ,—читалъ я,—царь сказалъ: это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домъ царства силою моего могущества и въ славу моего величія! Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: «Тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ, царство отошло отъ тебя! И отлучатъ тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ пройдутъ надъ тобою...» Тотчасъ и исполнилось это слово надъ Навуходоносоромъ, и отлученъ онъ былъ отъ людей, ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росю небесною: такъ что волосы выросли у него, какъ у льва, и ногти у него, какъ у птицы...» «Какое паденіе!—размышлялъ я.—Какое тяжкое испытаніе для человѣческой гордыни! Могущественный монархъ обширнаго государства вынужденъ оставить свою столицу, свой «величественный» Вавилонъ, покинуть свои роскошные чертоги, свой многочисленный дворъ, всю роскошь и удобство жизни. Онъ бѣжитъ за городъ, въ поля, живетъ со звѣрями и самъ, какъ скоть, питается травой... Ужасно!...»

Эти размышленія по поводу одной страницы изъ Библіи были прерваны самымъ неожиданнымъ для меня образомъ. Мнѣ опять слышалось, что кто-то стукнулъ въ мою

дверь. Но я на этотъ разъ уже не пошелъ отворять ее и спокойно остался въ креслѣ. Между тѣмъ стукъ повторился и теперь уже совершенно явственно... Я закрылъ Библію и, взявъ лампу, направился къ двери. Стукнули еще разъ и еще. Мнѣ почудилось бряцанье оружія... «Что бы это могло быть?» Какого ночного посѣтителя Богъ послалъ ко мнѣ?» допрашивалъ я самъ себя. Когда я растворилъ дверь, мнѣ прежде всего бросился въ глаза бѣлый мундиръ австрійскаго солдата.

— Что тебѣ нужно, сынъ мой? — кротко спросилъ я пришедшаго.

Теперь онъ придвинулся къ самой двери и весь выступилъ изъ мрака на свѣтъ, разливаемый моей лампой. Я могъ хорошо рассмотреть его дюжую фигуру. Это былъ истый германецъ—холодный, какъ небо его родины, и сумрачный, какъ его германскіе лѣса. На видъ онъ казался пожилымъ... Изъ-подъ блестящей, мѣдной каски видны были бѣлокурые волосы; длинные рыжеватые усы почти закрывали его губы и опускались книзу. Сѣрые глаза его почти безъ всякаго выраженія какъ-то тупо, безсмысленно уставились на меня. Когда я смотрѣлъ на его мѣдную каску, на его красное, усатое лицо, мнѣ почему-то показалось, что именно таковы, какъ этотъ австрійскій солдатъ, должны быть

тѣ войны, которые нѣкогда по повелѣнію цезарей душили своихъ братьевъ и, вторгаясь въ чужіе предѣлы, такъ неумолимо, безжалостно умерщвляли беззащитныхъ старцевъ и женъ, «съ дикимъ хохотомъ» разбивали о камень младенцевъ.

— Мнѣ приказано привести священника къ умирающему... къ заключенному...—проговорилъ онъ или—вѣрнѣе сказать—пробарабанилъ, какъ хорошо заученный урокъ.

Онъ стоялъ, какъ видно, по привычкѣ, вытянувшись передо мной во весь ростъ, слегка выпятивъ свою здоровую грудь и не сводя съ меня своихъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ.

— Къ какому заключенному?.. Куда?—въ недоумѣніи спросилъ я солдата, все также стоя передъ нимъ съ лампой въ рукѣ.

— Въ тюрьму Санъ-Піетро!—отвѣтилъ онъ тѣмъ же заученнымъ тономъ.

— Странно!—проговорилъ я, подходя къ столу и ставя на него лампу.—Вѣдь у васъ есть свой тюремный священникъ... Зачѣмъ же еще понадобился я?..

— Тюремный священникъ боленъ, помощникъ его въ отлучкѣ. Мнѣ приказано привести... Пожалуйста!—пробарабанилъ солдатъ, звякнувъ саблей.

Судя по тону и по всему виду говорившаго со мной, можно было думать, что если бы я отказался итти—этотъ бравый мужчина, не-

доступный, повидимому, никакимъ мигкимъ, нѣжнымъ чувствованіямъ, взялъ бы меня за шиворотъ, несмотря на мой санъ и на мои почтенныя сѣдины, и потащилъ бы меня, куда ему «приказано»...

— Я пойду, конечно... Я еще никогда и никому не отказывалъ въ послѣднемъ утѣшеніи, насколько оно въ моихъ силахъ... А теперь — заключенному и подавно не откажу!—проворчалъ я съ горечью и въ то же время сильно подсадовалъ на себя за то, что не могъ скрыть своего раздраженія.

Положимъ, я—старикъ, я—лицо духовное, но все же прежде всего я—человѣкъ, я—итальянецъ. На зло шестидесяти годамъ, на зло житейскимъ скорбямъ и невзгодамъ, подъ моею черною рясою бьется еще не старое сердце, и въ головѣ моей, покрытой сѣдинами, живутъ не одни философскіе и смиренные помыслы... Грубый говоръ этого деревяннаго австрійскаго солдата возмущалъ меня

— А кто этотъ заключенный? Кто-нибудь изъ итальянскихъ патріотовъ? Да?—спросилъ я, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на солдата (не могъ-таки я, грѣшный, отказать себѣ въ этомъ невинномъ удовольствіи).

— Ничего не знаю! — самымъ невозмутимымъ тономъ отвѣтилъ солдатъ, слегка тряхнувъ головой, при чемъ его мѣдная каска блеснула и сабля брякнула объ полъ.